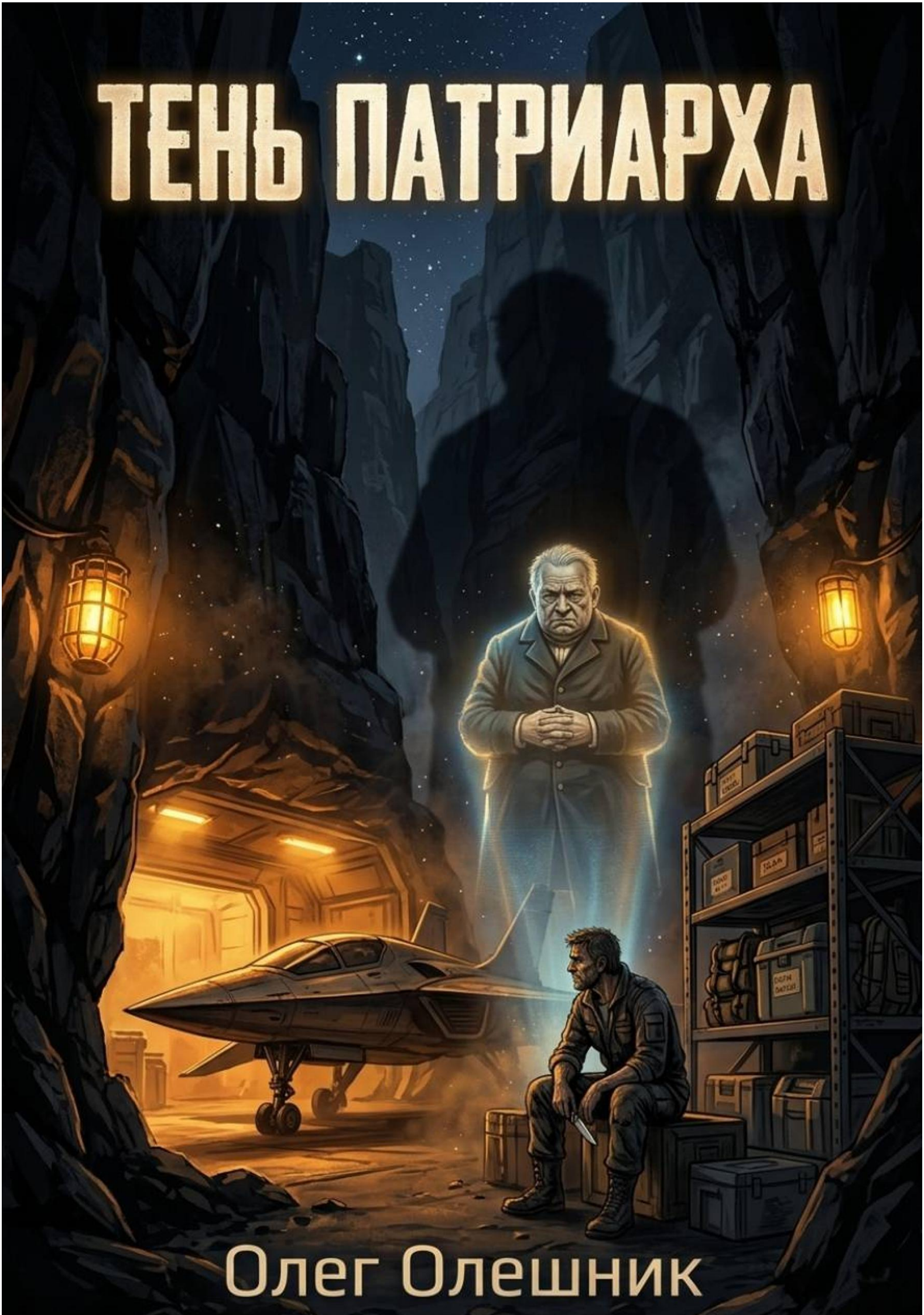

ТЕНЬ ПАТРИАРХА
Олег Олешник

Олег Олешник

Тень Патриарха

«Автор»
2026

Олешник О.

Тень Патриарха / О. Олешник — «Автор», 2026

Родион Вейс, он же Кречет, сорок лет назад встал из-за стола Совета и ушёл — сменил фамилию, выстроил свой рынок редких осколков в каньоне, которого нет ни в одном реестре, и научился жить там, где Патриарха нет. Но Патриарх ничего не забывает. И когда в секторе появляется мальчик по фамилии Тобольский, летящий на старом тендере к планете, которой нет на картах, Кречет выкупает его у пиратов за миллион двести — раньше, чем успевает позвонить старик.Теперь у Кречета есть долг на мальчике, у мальчика — планета, а у Патриарха — вопрос: кто платит немому курьеру, скупающему пустые осколки и расплачивающемуся координатами живых. Разговор длиной в одну ночь, в котором каждый стул расставлен заранее, а звёзды над Волей, возможно, стоят не там, где им полагается.Рассказ о рынках и дренаже, о долгах, которые отдают оба, и о том, что даже уход — часть чьего-то плана.

© Олешник О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вызов 6
Дренаж 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Олег Олешник
Тень Патриарха

Вызов

«Ловчий» вошёл в каньон на бреющем, так низко, что тень корабля бежала по базальту почти вплотную к брюху. Чёрные стены сходились, расходились и снова сходились. Родион Карлович Вейс вёл машину сам. Автопилот он не включал никогда, ни здесь, ни где-либо ещё. Автопилот запоминает и оцифрует маршрут, а всё, что оцифровано, рано или поздно кто-нибудь купит. На четвёртом повороте каньон сужался до щели. Сверху её не было видно: скальный козырёк нависал над руслом высохшей реки, а дальше начиналась темнота, в которой не отражался ни один луч. Кречет сбросил скорость, повёл плечом, и «Ловчий» повёл скошенным носом следом. Правое крыло прошло в полутора метрах от камня. Двенадцать лет назад, в первый раз, здесь было полтора сантиметра. На обшивке до сих пор остался шрам, единственный, который он не стал заделывать.

Гравитационная завеса встретила корабль мутным мерцанием, похожим на воздух над летним асфальтом. На самом деле асфальта Кречет не видел ни разу в жизни, только в старых фильмах, которые когда-то в детстве, в другой жизни, показывал ему кто-то с хрипотцой в голосе. Завеса пропустила корабль, огладила обшивку, отрезала жар снаружи и сомкнулась. Маршевая «Тайга-девять» перешла на холостой гул, потом на шёпот, потом замолчала. Стало тихо. Пещерная тишина — плотная, почти осязаемая, в ней слышно, как остывает металл. Кречет не торопился вставать. Посидел, положив ладони на подлокотники. Кресло было единственным в рубке и стояло ровно в центре. Кожа без единой потёртости, подогрев выставлен на тридцать один градус, потому что тридцать — мало, а тридцать два — уже баловство. Слева гасли навигационные карты: каньон, снятый им самим со всеми трещинами и козырьками. Справа сканеры дальнего действия докладывали, что следом никто не шёл.

Он знал это ещё до того, как они доложили, но всё равно дождался последней строчки. Знать и проверить — разные вещи. За эту разницу люди обычно и платят жизнью. На выдвижном столике стояла чашка. Чай остыл ещё над Вольницей, когда он смотрел, как неуклюжий «Ермак» отваливает от причала, раскачиваясь на перегруженных стабилизаторах, словно баржа на волне. Рядом, на салфетке, лежал маленький нож для яблок с костяной рукоятью. Яблоко Кречет так и не разрезал. Он выплеснул чай в утилизатор, поставил чашку в держатель и поднял взгляд на переборку. Визитка висела там, где висела всегда, прямо перед глазами. Белый картон, тиснёные буквы: «Р. К. Вейс. Консультант по редким материалам». Её держал кусок чёрной изоленты, в цвет обшивки. Это была единственная небрежность во всей рубке. Посторонний принял бы её за шутку, близкий знакомый — за напоминание. Близких знакомых у Кречета не было, а посторонние сюда не попадали. Один уголок изоленты отклеился. Кречет посмотрел на него и не стал трогать. Он вышел из корабля, спустился по трапу, и ангар обнял его тёплым жёлтым светом.

Прожекторы были старые, в железных корзинках с облупленной зелёной краской. Он купил их на распродаже имущества какой-то разорившейся рудничной компании. Все остальные покупатели на этой распродаже смотрели на буровые установки, а он смотрел на лампы. Натриевый свет станций ТОБОЛ резал глаза и делал любое лицо больным. Красный аварийный превращал людей в мясо. Жёлтый прожектор был светом кабинета, где можно сидеть долго. Под брюхом «Ловчего» поблёскивали решётки стока, сквозь которые уходили вода и масло. Вдоль стен стояли краны, домкраты, тележка с инструментом, где каждый ключ лежал в своём гнезде, вырезанном по форме. Ни одной тряпки, ни одной брошенной канистры. Пахло камнем, пылью и чем-то ещё, сухим и тёплым. Старым деревом, хотя дерева здесь почти не было: только стол в жилом модуле да книжный шкаф. Шкаф он когда-то выменял за осколок третьего класса. Тогда это казалось ему безумием, теперь — лучшей сделкой в жизни. Стеллажи тянулись вдоль дальней стены. Металл, амортизирующие подвесы, на каждом контейнере

бирка, написанная от руки. Кречет прошёл вдоль них медленно, как ходят по кладбищу или по библиотеке, и коснулся пальцем двух-трёх бирок. Не проверял, просто здоровался. Потом он открыл ящик под стеллажом и достал глушилку. Это был чёрный короб размером с дорожный чемодан, с четырьмя складными антеннами, похожими на лапки перевёрнутого жука.

Встроенной защиты «Ловчего» хватило бы, чтобы закрыться от любой станции сектора Вяземских и от половины флота Строгановых. Но встроенной защите Кречет не доверял, потому что её делали люди, которые делали корабли, а корабли делались по стандартам, а стандарты писал ТОБОЛ. В конце любой цепочки стандартов сидел один и тот же старик. Он развернул антенны, щёлкнул тумблером и дождался, пока индикатор из жёлтого станет ровным, немигающим зелёным. Затем отключил внешние приёмники «Ловчего» вручную, рубильником. Завёл таймер: корабль был слеп и глух. Только после этого Кречет подошёл к стене у шлюза, где из скалы выходил толстый экранированный кабель. Кабель поднимался вверх по трещине на двести метров, к гребню каньона, где в тенях камней пряталась узконаправленная антенна. Каньон глушил всё. Без этой нитки здесь не было бы ни новостей, ни денег, ни голосов. Здесь не было бы его самого — в том смысле, в каком человек существует для мира.

Кречет проложил эту нитку двенадцать лет назад, своими руками. Никто не просил её прокладывать. Он просто знал, что однажды позвонят. На панели у кабеля мигал огонёк. Закрытый канал, вызов в ожидании. Кречет взглянул на часы. Двадцать три ноль-ноль по корабельному времени, ровно. — Ну конечно, — сказал он вслух и улыбнулся. — Конечно.

Он не пошёл в рубку. Проекционный купол над креслом «Ловчего» был лучше, ярче и точнее, а купол имел камеры — глаза. Вместо этого Кречет выкатил из угла старый напольный проектор на треноге. Камер у него не было вовсе, только излучатель и микрофон. Он сам выпаял объективы засунув внутрь этой тончайшей техники жало паяльного фена. Лет десять назад, в один длинный вечер, когда долго думал, а потом начал действовать.

Он установил треногу на свободном пятачке между кормой «Ловчего» и стеллажами. Подтянул ящик, сел на него, расстегнул ворот. Подумал, сходил в модуль, поставил чайник, дождался, пока закипит, заварил новый чай и только тогда вернулся и нажал на приём. Проекция сгущалась медленно. Сначала в воздухе повисла пыль, подсвеченная изнутри, потом из неё проступили очертания. Плечи, сутулость, высокий воротник старинного сюртука, тёмного, с матовыми пуговицами. Седина, коротко остриженная, — так стригут людей, которым некогда заниматься волосами. Лицо — некрасивое, крестьянское, с тяжёлым подбородком и сеткой морщин у глаз. Руки сложены на животе, пальцы переплетены. Края мерцали. Чуть-чуть, на границе заметности, будто изображение не до конца уверено в себе. Кречет знал, что это нарочно. Технически Патриарх мог бы явиться без единого шва, чётче живого человека. Но мерцание напоминало собеседнику: перед ним не человек. Напоминало и одновременно успокаивало: мол, вот, видишь, я несовершенен, со мной можно иметь дело.

Старик в сюртуке стоял посреди ангара, освещённый жёлтыми прожекторами, между кормой хищного корабля без опознавательных знаков и стеллажами, где в амортизирующих подвесах спало то, чему не было названия ни в одном языке человечества. Он выглядел как дед, пришедший на склад к внуку. Или как сторож этого склада. Или как экспонат.

— Ты опять завязал мне глаза, Родион, — сказал Патриарх. Голос был спокойный, с хрипотцой. Голос человека, который много курил когда-то, тысячу лет назад, и давно бросил.

— Добрый вечер, дедушка, — сказал Кречет. — Ровно двадцать три ноль-ноль. Ты и мне сейчас скажешь, что пора спать?

Пауза. Короткая, полсекунды, но для машины, которая думает быстрее, чем свет проходит от одного края ангара до другого, полсекунды — это вечность. Кречет давно научился слушать эти паузы, как слушают тишину в лесу.

— Тебе — нет, — сказал Патриарх. — Ты взрослый. И где-то в районе его губ, которые не шевельнулись, обозначилась усмешка. Он умел усмехаться без лица. Это было самое жуткое, что Кречет видел в жизни, хотя видел он многое.

Дренаж

— Деньги пришли, — сказал Кречет. — Спасибо.

— Это я тебе должен сказать спасибо.

— Так скажи.

— Спасибо, Родион.

Кречет отпил чаю. Чай был крепкий, чёрный, с кислинкой, которую он любил и которой больше никто не любил.

— Один миллион двести двадцать тысяч имперских, — сказал он, катая цифру во рту. — Восемьсот чипами Буранову на стол. Плюс его долг за прошлую весну — четыреста двадцать, — который я ему простил. Простил от всей души, при свидетелях, с улыбкой. Буранов чуть не заплакал. Он думал, я его на этом долге повешу.

— Ты бы не повесил.

— Нет. Но он-то этого не знал.

— Ты мог взять меньше, — сказал Патриарх. — Буранов отдал бы их за шестьсот.

— Мог. — Кречет пожал плечами. — Но тогда Буранов решил бы, что они стоят шестьсот. И в следующий раз, когда на его рифы налетит ещё один мальчик в старом тендере, он запросит шестьсот за любого. А так он знает: Тобольские стоят дорого. Это — информация, дедушка. Я её продал Буранову, а ты оплатил. Хорошая сделка. Ты бы и сам так сделал.

— Я бы так и сделал, — согласился Патриарх. — В прошлом. Когда у меня были руки. Он огляделся, медленно повернув голову. Слепая проекция не могла видеть, но жест был точно скопирован с живого, и Кречет на мгновение почувствовал, что старик видит всё: стеллажи, бирки, ящик, на котором он сидит. Это ощущение он всегда давил в себе, как давят ногтем клеща.

— Как рынок? — спросил Патриарх.

— Живёт. Дышит. Рефлексирует. — Кречет отставил чашку на соседний ящик. — Жиреет, если честно. После того как Строгановы закрыли портал для частников, все, кто копал за ним, перебрались в пояс Вяземских. Там пусто, далеко и никто не смотрит. Мародёры Ганича нашли поле обломков на окраине, в седьмом квадрате. Говорят, корабль. Не наш. Ничей. Вытащили четыре осколка второго класса и один, как им показалось, первого. Показалось, конечно. Первого класса не бывает в обломках, первый класс лежит там, где его положили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.